

ОТ АВТОРА

Когда меня спрашивают, зачем всё это и для кого, из всех аргументов я выбираю лишь один. Если кому-то надо было выхолостить историю нашей гражданской войны практически до стерильности, превратить её в обезличенное, лишённое событий и внутренних противоречий белое пятно. Если на это ушли немалые средства и несчитанные трудозатраты. Если и памяти почти не осталось... Значит, есть смысл и в том, чтобы хоть наметить контуры её восстановления. И робким пунктиром окрашивать безжизненное, столь слабо насыщенное информацией пространство.

И тогда из безликой массы выступают вдруг личности. С их индивидуальными особенностями, характерами, чувствами... мечтами. Но при всей непохожести все объединены единым устремлением. И лишь поняв этих людей, приблизившись к ним, побыв с ними рядом, можно представить, отчего принимали они те или иные решения. И поступали только лишь так, и никак иначе...

Мы представляем историю таковой и в соответствии с тем, что заложено в нас самих. И если история безразлична человеку, он, сам того не зная, многого недосчитался в своей жизни. Но история терпелива, и если мы не принимаем её уроков, готова повторять их вновь и вновь.

История осязаема, ведь всё, что происходит сейчас, корнями своими уходит в то, *что произошло раньше*.

История доступна и открыта. Камень, брошенный в спокойный тихий пруд, мгновенно скрывается из глаз и уже тихо покоится на неглубоком дне, но по кругам, пошедшим по воде, можно *точно* указать место падения.

И для того чтобы представить, как было *на самом деле*, вовсе не обязательно *всё* видеть самому (да это и невозможно), вовсе не обязательно проникнуть в сердце засекреченных архивов... Достаточно объективно оценить последствия произошедшего, представить, как *должно* было быть, чтобы последствия стали именно такими, и как быть *не могло*...

История честна, если мы не позволяем себе откровенной лжи. История лишь тогда чему-то нас учит, когда, воспринимая её, мы ответственны и чистоплотны. Сердце моё с юнкерами и офицерами 1-й батареи. Но это вовсе не означает, что я в угоду этому позволю себе быть сознательно необъективным. Не значит также, что не могу испытывать симпатии к персоналиям, находившимся по другую сторону баррикад, к Антонову-Овсеенко, к Вишняковой, в чём-то к Голобову и даже Саблину...

И если одной из сторон посвящено большее количество страниц, это не предвзятость, а всего лишь отсутствие заслуживающих доверия источников и весьма ограниченные рамки и задачи данного издания.

История продолжается. Она не может предстать в виде закостелой, раз и навсегда оформившейся догмы. История готова принять и проверить на прочность как вновь обнаруженные факты, так и новые уточнения и даже воззрения.

История... это так интересно.